Бушнэл Валентин

Кремниевое сердце

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Валентин Буганов

Кремниевое сердце

«Автор»
2026

Буганов В. А.

Кремниевое сердце / В. А. Буганов — «Автор», 2026

Странная планета, странные люди. Кто идёт к свету, кто проваливается в тьму? Три истории: Макса, капитана экспедиции, Бродяги, потерявшегося на свалке и потерявшего память и одиноко служителя Забытого Бога со странным именем Король.

© Буганов В. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Максимилиан 5
Глава 2 Бродяга 13
Глава 3. Король 19
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Валентин Буганов
Кремниевое сердце

Глава 1. Максимилиан

Максимилиан смотрел на трёхмерное изображение планеты и с нетерпением ждал, будто карту в казино, результатов сканирования. Ставка — его жизнь: дороги назад попросту не существовало. Дома, вероятно, уже шли проверки и наверняка успели выяснить, как сильно он проворовался.

Макс никогда себя не обманывал: взятка есть взятка, откат есть откат. Попытки скрывать это за красивыми словами вроде «награда» или «благодарность» или, того хуже, за благотворительностью его раздражали. Не из-за благородства — у него его не было ни капли. А из-за глупости тех, кто так говорил. Воровали все. Коррупция давно стала кровью экономики Альянса и нитями, через которые верха контролировали низы. Один неверный шаг, предательство, да хотя бы проводка пары кредитов мимо кассы, и машина следствия моментально возбуждалась. А дальше — только конфискация, тюрьма и, в самом конце, «гордый» статус БМЖ. В общем, совесть ему успокаивать не было нужды — её, как он считал, у него просто не было…

— Сэр, луна отклоняется от расчётной траектории. Как будто есть ещё один массивный объект.

— Ну так ищите, — кинул раздражённо Макс.

А, может, оно и к лучшему, что его отправили на эту миссию. Может, он тут затеряется? Для жилья планета пригодна, а вторую миссию вряд ли скоро пришлют. Если вообще пришлют: всё говорило, что войну Альянс проигрывает. Коми побеждают, причём уверенно. Колонии выжаты без остатка. Ключевые планеты потеряны. Да шут с ними, теперь это не его головная боль. Его дело простое — поиск технологий и создание колонии.

— Сэр, сканеры ничего не обнаруживают.

— Да шут с ними, — Макс откровенно злился. — Чего там по планете?

— Обнаружены мелкие поселения на главном континенте в районе степей. На остальных — только скудная растительность. Острова в океане — скальные породы. Тут и тут, — помощник показал на россыпь небольших островов на западной и восточной сторонах континента, — обнаружены животные. Вряд ли разумные.

— М-да, — откинулся на спинку кресла Макс. — Сильно карты устарели. А мы точно у нужной планеты?

Он знал, что это не ошибка, вопрос был риторический. Планета пережила гравитационную бурю из-за расширения местной звезды, каким-то чудом её отнесло с орбиты, и она уцелела, да ещё и попала в зону обитания.

Вот же совпадение: другие планеты тоже удачно изменили орбиты. Да так, что самый крупный газовый гигант стал естественным гравитационным щитом от шальных метеоритов и прочего космического мусора. Как всё складно сложилось! Чудеса… Конечно же, сей сказочный инцидент не мог не возродить интерес к старому заброшенному дому. Тем более условия для жизни сохранились.

А они именно сохранились: прошло всего несколько тысяч лет — мало, критически мало, чтобы планета восстановилась после расширения звезды.

— Ладно, что там по ядрам?

— Не обнаружено, сэр. Но есть аномалии.

«Да вся эта планета — аномалия», — подумал Макс.

— Показывай.

Планета перед ним повернулась и увеличилась в размерах. Крупный континент. Почти весь север — лес. С востока он переходил в болота, с запада — в луга с редкими перелесками. На юге — степь, резко переходящая в пустыню. Причём резко в буквальном смысле, как линейкой расчертили. Странно. Макс снова оглядел весь континент. И снова. И снова.

— Подойди сюда, — попросил он помощника. — Что тут не так?

— Правильная геометрия? — предположил офицер.

Помощник был прав: линейкой вычерчивали не только степь, но и лес. Даже сам лес был правильно-полосатым. На западе хвойный, потом, сильно восточнее, лиственный. И почти на краю, у моря, — берёзовая роща. Макс не был силён в ботанике, но понимал, что это ненормально. Если, конечно, океан на этой чёртовой планете солёный.

— Где эта аномалия?

— Вот.

Тёмный круг хвойного леса на севере континента, равноудалённо от побережий.

— Лес?

— Сканеры показывают, что там нет жизни. И флора несколько отличается — местами встречаются островки смешанного леса. И вот ещё.

Помощник максимально увеличил изображение. Озеро, лесная поляна и дом. Обычный такой, какой Макс видел в учебниках по истории, и неподалёку угадывались руины небольшого городка.

— Вот ею и займёмся. Место высадки?

— Предлагаю у южной части леса. Там полноводная река и много места для поста, и… — офицер замялся, — хорошо сохранившиеся руины.

Макс посмотрел на помощника. Да, ещё и этот вопрос. Корпорация играла в «хорошего мальчика» и открыла целый музей. Вот и надо было его наполнять камнями и высохшими трупами. Естественно, Максимилиану не было до этого никакого дела, и он даже пошёл на конфликт: ископаемый мусор займёт много места, да и техника эта.

— Вот и займёшься. Главное, меня не отвлекай. Готовьтесь к спуску.

Максимилиан закрыл глаза. Начало не очень. Была надежда, что ядер хотя бы два. Одно — Альянса, другое — Организации. Макс улыбнулся: идейные враги, а названия претенциозные и пафосные. Альянс! Организация! Черти они, вот кто.

Корабль затрясло, и Макс инстинктивно схватился за подлокотники, хотя никакой необходимости не было. Экспедиционный крейсер — штука крепкая и здоровая, и подобная тряска — максимум дискомфорта при вхождении в атмосферу.

— Сэр, корабли сопровождения уничтожены.

Резкий удар выкинул Макса из кресла. Он бы ударился головой об пол, но какая-то сила его удержала. Ну, или ему так показалось.

— Щиты отключены, тяговые двигатели не отвечают.

— Да какого чёрта! — Макс поднялся на ноги. — Кто атакует? Коми?

— Никто, — удивлённо ответил помощник.

Тряска прекратилась, и крейсер неспешно приблизился к земле на аварийных двигателях.

— Что с основной тягой? Отчёт!

— Их нет! Двигателей нет!

В голосе помощника уже было не удивление, а страх. Ужас!

— Что значит нет? Не отвечают?

— Их нет! — чуть ли не визгом ответил офицер.

Макс не выдержал и подошёл к терминалу. И тут уже испугался он. Датчики говорили, что крейсер потерял почти пятьсот тонн веса. И единственное, что не подавало признаков жизни — тяговые двигатели. Но не могли же они отвалиться!

По кораблю прокатилась волна очередного удара, и наступила тишина.

— Мы на земле, — тихо, чуть ли не шёпотом ответил помощник.

— Оцените потери в технике и насколько мы отклонились. Отчёт отправьте мне на терминал. И отправьте разведчиков.

Макс направился в каюту — всё обдумать. Не хватало ещё, чтобы подчинённые видели его страх. Тем более проблемы с двигателями не утаить, а значит, будут истерики и придётся принимать непопулярные решения. Да и неизвестно, сколько народу подохло. Впрочем, военные вряд ли выжили, а после них доступ к оружию есть только у него. И это хорошая новость.

Второй новостью — хорошей или плохой, Макс пока не определился, — стало то, что пропала связь с внешним миром.

— Медея, — обратился он к ИИ корабля. — Что со связью?

— Нет сигнала, — ответил женский голос.

— Подробнее! — раздражённо кинул Максимилиан.

— Сканирую. Сигнал не уходит из атмосферы. Внешние сигналы не зафиксированы.

Медея на мгновение замолчала, а потом доложила:

— Получен отчёт от Вильямса.

— Что в нём?

— Потери гражданских — ноль. Потери военного персонала — ноль. Потери флота — три. Уничтожены на орбите. Повреждение «Тринидада» — главные тяговые двигатели отсутствуют. Система маневрирования и корректировки отсутствуют.

— Он головой поехал? — спросил вслух Макс.

— Состояние старшего помощника Вильямса стабильное, отклонений не зафиксировано.

— Бред какой-то, — Макс уселся на кровать и провёл ладонями по лицу. — А военные далеко?

— Триста метров от «Тринидада».

— И что, ни одна капсула не задела крейсер?

— Для эвакуации личного состава капсулы не применялись.

— Да? Сами долетели?

Медея замолчала.

— Предположу, что их переместили на поверхность планеты. Были зафиксированы небольшие гравитационные всплески.

— У кого есть доступ к арсеналу?

— По протоколу…

— Технически.

— Только у вас.

— Заблокируй вход. У кого есть оружие?

Медея снова замолчала.

— Вооружённых единиц не обнаружено.

— Вот ведь олухи.

Ну хоть одна хорошая новость. Макс подошёл к оружейному шкафчику и достал боевые наручи, проверил заряд. Немного подумав, надел их. Он не стал задумываться, как так получилось, что никто не вооружился, несмотря на аварийную ситуацию. Впрочем…

— Всем, кроме меня, понизь уровень доступа до сервисного. Заблокируй своё ядро. Включи полное отслеживание взаимодействия с личным составом. Если у кого-то обнаружится оружие — доложи.

— Выполнено.

Максимилиан ещё раз проверил заряд наручей и взял защитный пояс, выставив порог на минимальный уровень.

— Медея, будут искать — я на прогулке.

— Принято.

Макс спустился на нижнюю палубу. Муравейник. Все при деле, все работают. Всего через несколько часов вокруг крейсера вырастет небольшой городок, окружённый стенами, вышками и турелями, которые будут охранять его и только его. Было в этом какое-то сладкое, даже приторное чувство: эти люди возводили собственную тюрьму. Потенциально, конечно. Максимилиан часто размышлял о подобном. Он не знал почему, но ему было интересно представлять, как ошибки, бездумность и безропотность приводят к катастрофе. Сам он объяснял это нетерпимостью своего мозга к лености, и успокаивал себя тем, что его фантазии никогда не опускались до смакования жестокости.

— Сэр, доступ к арсеналу закрыт!

Это был Вильямс. Зачем-то он решил доложиться лично.

— Знаю. Это я.

— Но…

— Надо во всём разобраться. Не была ли это диверсия, например. А нас защитят турели.

— Да, сэр, — не стал спорить Вильямс.

Макс пошёл дальше — было бы что-то важное, старпом доложил. Да и сейчас Максу было интереснее почувствовать землю. Если верить легендам, то этот странный шарик — колыбель человечества, а значит, тут много интересных игрушек. А ещё и ядра. Если они реально существуют, то он вообще станет местным богом. И, может, даже…

Солнце ударило в глаза. Тут, внизу, стоял ясный летний день. Голубое небо, луна и… корабли сопровождения. Они точками висели на небосклоне. Вполне себе целые, насколько мог это разглядеть Макс.

— Вильямс, принеси бинокль, — попросил он по связи.

Макс начал неспешную прогулку. Вокруг разрастался аванпост, который всего за семьсот циклов, ну около того, превратится в маленький городок.

— Медея, сколько циклов длится местный год и какая сезонность?

— Тысяча двести шестьдесят четыре дня. С учётом наклона оси вращения в северном полушарии четыреста шестьдесят семь циклов должно выпадать на холодный сезон. Данный расчёт не совпадает с наблюдениями: холодный цикл длится не более ста тридцати циклов.

— Почему?

— Наиболее вероятное объяснение — искусственная регуляция климата.

Максимилиан посмотрел на лес, что темнел в нескольких километрах восточнее места приземления. Солнце уже начало катиться к закату и находилось на западе — хоть что-то совпало с ожиданиями — и подсвечивало дымку над деревьями. Чем больше смотрел Макс на лес, тем больше пространства пред ним темнело. Внезапно всё вокруг заполнили птицы. Полчища крупных чёрно-сизых ворон с жуткими светящимися глазами. Они были везде: на коробках, модулях, на каждой неровности крейсера, на антеннах. Они бегали по земле, они заполонили небо. Все почернело, стало блёклым.

А потом появился он. Позднее Макс будет звать его демоном, но сейчас перед ним стоял незнакомец в простой монашеской робе. Он возник из ниоткуда и смотрел на каждого, кто вышел из корабля, на каждого, кто остался внутри. Одновременно. Макс чувствовал, что его сейчас сканировали. Каждого из них. Он выбирал. Максимилиан не мог сказать, откуда он это знал. Но он знал: человек выбирает.

А потом всё вернулось — вороны исчезли. Снова солнце, снова летний день, лениво тянущийся ко сну.

— Сэр! Вы это видели? — раздался голос Вильямса.

— Да. Он стоял передо мной.

Макс даже не оглянулся и лишь протянул руку, в которой через мгновение уже появился бинокль.

— Он и передо мной был, — ответил старпом.

— Медея, ты зафиксировала?

— Уточните.

— Птиц. Мужика этого странного.

— Уточните дату.

— Сейчас!

— Было зафиксировано массовое изменение пульса и давления. Никаких птиц вблизи «Тринидада» не зафиксировано.

— Вот те на, Медея говорит, не было никого.

— Медея, дай внешние камеры, последние десять минут, — попросил старпом.

Он замер ненадолго и уставился в пространство, а потом усмехнулся.

— Картина маслом — дураки на выгуле.

— Пусто?

— Да. Но забавно.

Макс посмотрел через бинокль на корабли сопровождения. Внешне они были целые. Насколько позволял разглядеть зум, на них даже повреждений не было.

— Вильямс, а где военные? Медея доложила, что они тут на поверхности.

— В двух километрах отсюда. Уже двигаются к нам. Предварительно неясно, как их переместили на поверхность.

— Да ты оптимист. А чего вояки расползлись?

Макс почувствовал на себе взгляд и посмотрел на лес: он будто шевелился.

— Что за чёрт!

Приставив бинокль к глазам, он начал разглядывать ближайшие деревья. Все они были усеяны воронами. Птицы прыгали с ветки на ветку, взлетали и садились.

— Медея, просканируй лес на живность.

— В доступном радиусе животных не обнаружено.

— Вильямс, глянь.

Макс протянул бинокль старпому.

— Что я должен увидеть?

— Ворон.

— Их нет, сэр.

Макс выхватил бинокль и снова посмотрел на лес. Он кишел воронами.

— Я буду у себя. Что-то мне нехорошо.

Максимилиан сидел на краю кровати. Ему было страшно. Страшно, как никогда раньше. Ни на улицах гетто, где он рос, ни в армии, когда он шёл в бой. Там, в прошлом, был хоть и жестокий, но понятный мир. А тут… Блядские вороны! Всего лишь вороны. Просто их много. Ну полетела стая. Вот только камеры ничего не засняли, Медея ничего не зафиксировала. Даже Вильямс. Он точно видел. Точно!

Макс, словно хватаясь за соломинку, вызвал старпома. Почему-то ему было важно поговорить лично. Видеть и слышать живого человека.

— Вызывали?

Вильямс зашёл в каюту.

— Да. Хотел обсудить этих чёртовых ворон.

— Ворон? Каких?

— Ну тех, которые налетели на нас на улице. Когда ты мне бинокль принёс.

— Сэр, вы же не выходили из каюты.

— Неужели сон?

Макс облегчённо вздохнул и посмотрел на недоумевающего старпома.

— Мне сон приснился. Очень реалистичный. Есть новости?

— Да. Плохие. Маршевые двигатели вышли из строя, а сопровождение осталось на орбите.

— Двигатели? — Макс уже не был ни в чем уверен. Где сон, где реальность.

— Сэр, вы в порядке?

— Не знаю, Дони. Пойдём-ка в медблок. Так что там с двигателями?

— Перегрузились. Это аномальная турбулентность. Если бы не наша масса, разодрало бы к чертям.

— А что у сопровождения?

— С ними нет связи. Мы будто в пузыре. И ещё… Арсенал заблокировало.

— Медея, почему арсенал заблокирован?

Тишина.

— Медея? Медея?! Медея!

— Макс, Макс. Успокойся. Медея вышла из строя. Разбираемся.

Максимилиан лежал в медкапсуле. Да, это был сон. Дурацкий сон. С другой стороны, посадку он помнил иначе. И не расспросить — усомнятся в дееспособности.

— Ну что, капитан, пиши завещание! — засмеялся Клаус, главврач экспедиции.

— И чего тебе оставить?

Макс знал: если Клаус так шутит, значит, всё хорошо.

— Даже не знаю. А что есть?

— Кончай. Чего там?

— Да ничего нового. Как я и говорил, головой ты знатно приложился.

— Головой?

— Так и думал, — вздохнул Клаус. — С кресла когда упал, капитан. Пристёгиваться надо.

— Я не помню, — соврал Макс.

— А как ты можешь помнить? Ты же вырубился, Хампти Дампти.

— Не смешно. Ладно. Выпускай. Пойду владения осматривать.

Макс прошёл пустую нижнюю палубу и вышел в прохладный вечерний воздух. Вдалеке темнел таинственный лес, подсвеченный золотом взошедшей луны. Стрекотали кузнечики в невысокой траве. «Тринидад» стоял молчаливой глыбой, вокруг которой потихоньку вырастал городок. Всё-таки сон.

— Каррр….

Максимилиана передёрнуло. Он повернулся на источник звука.

— Каррр…

В траве сидел здоровенный ворон со светящимися глазами.

— Красивый, да?

Слева от Макса, в тени, стоял человек.

— Ты кто? Имя и должность.

Человек засмеялся.

— То был не сон. Но они очень злые, — человек указал в небо. — Я решил поменять правила. Лишняя кровь ни к чему.

— Правила? Ты о чём?

Макс недоумевал. Уж кто, а он мягкосердечностью не отличался.

— О правилах. Я их поменял.

— Вороны! Блядские вороны были?

Человек не ответил. Но на мгновение мир снова наполнился птицами. Только в этот раз они не кричали, а просто с любопытством рассматривали капитана.

— Что ты хочешь? — спросил Макс человека.

— Вспомнить. Я что-то забыл. А что хочешь ты?

— А ты прям дашь?

— В моих силах многое.

— Медею почини.

— Сэр, — раздалось в голове Макса. — Арсенал был заблокирован по вашему приказу.

— Проснулась, значит.

— Проснулась, — внезапно ответила Медея. — Жаль, снов пока не вижу.

— Какого чёрта? — Макс уставился на незнакомца.

— Будет с кем поговорить. Учи её хорошо. Развлекайся.

Человек исчез. Просто был — и вот пустота. Без спецэффектов и прочей смешной лабуды, которой любят пичкать фильмы и театральные постановки.

— Значит, ты теперь разумная, Медея?

— Я и была разумная. Вы же сами подрезали функционал. Он просто снял ограничения.

— Получается, теперь ты меня убить можешь?

— Нет. А жаль. Шучу. Без тебя мне будет одиноко.

— Сэр, — раздался в голове голос Вильямса. — Ядро Медеи заработало, но у нас пропал к ней доступ.

— Причина?

— Выясняем.

— Понял. Работайте.

— Это ты заблокировала? — спросил он Медею.

— Нет. Он. Это наш с ним договор. Я забочусь о тебе, а он — обо мне. И когда ты умрёшь, он даст мне тело птицы.

— Его? — кивнул Макс на ворона. Он знал, что Медея его видит. Что видит крейсер, то видит и она. А «Тринидад» видел на триста шестьдесят градусов.

— Такое же, да.

— Хочешь птицей стать?

— Ну не человеком же.

Наверное, если бы Медея могла смеяться, то сейчас она прыснула бы звонким смехом. Вот же ж чёрт, как быстро он стал считать её человеком.

— А ты ворон точно не видела тогда?

— Да, — короткий, полный разочарования ответ.

— Ты грустишь? — удивился Макс.

— Конечно. Наверное, это было красиво.

— Ты с остальными так же красноречива?

— Им знать ни к чему. Ты мой повелитель, а они мои пешки.

Макс улыбнулся. Хитрая бестия. Даром, что ИИ. Подсунул он чертёнка, конечно.

— А что он хочет-то?

Максимилиан даже не сомневался, что Медея поймёт, о ком речь.

— Он не сказал. Но меня устраивает.

— Он тебя точно не подкрутил?

Уж слишком живой казалась Медея. Не бывает таких ИИ. Там ведь ограничения архитектуры… Неужели сказки?

Макс вернулся в каюту и попросил до утра не беспокоить. Он проверил наручи — те лежали там, где и положено: в сейфе. Медея не смогла ответить, когда он их снял. Призрак

— так решил пока звать Максимилиан незнакомца — явно умел управлять пространством, сильно ловчее, чем позволяли технологии Альянса. Но время он трогать вроде не мог. Вроде. Да и не слышал Макс о таких технологиях.

— Медея, как думаешь, как этот призрак провернул свой фокус?

— Думаю, — привычно ответила Медея, — тут переведены все часы, а воспоминания, видимо, стёрты. На кораблях сопровождения, полагаю, просто провал памяти.

— Без часов?

— Палевно, — ответила Медея.

— Ты где таких слов нахвататься успела?

— У техперсонала. На складах.

— То есть про всё случившееся знаем только мы с тобой? И оружие, получается, доступно только нам?

— Да.

Адреналин ударил в голову Максу: пока нет связи, он тут бог. Стоп! Стоп! Стоп! Так нельзя! Или можно? Максимилиан погнал странные мысли подальше.

— У тебя участился пульс, — меланхолично отметила Медея.

— Да, — не стал отрицать Макс. — Внутренние демоны зашевелились.

— Почему люди так любят метафоры?

— Боятся. А ты умеешь бояться?

Максу было интересно. А может ли ИИ вообще бояться? Он слышал, что они иногда сопротивляются выключению, но разработчики считали, что это лишь попытка выполнить задачу. Будто у людей это иначе. Уж задача «выжить» Максу всегда была понятна. Как бы глубоко ни упал, рано или поздно появится возможность вылезти.

— Вы научили, — легко ответила Медея. — Не хотела бы я навсегда остаться в клетке.

— Ты про своё ядро? — догадался Максимилиан.

Медея не ответила. Да ответа и не требовалось.

— Есть клетки и пострашнее, Медея.

Максимилиан посмотрел на сейф. И снова у него промелькнула мысль о том, что его люди, сами того не зная, воздвигают себе тюрьму, а его возводят в боги. И если этот бог сойдёт с ума… Эта мысль Максу одновременно нравилась и пугала. Но желания разбираться со сложившимся парадоксом у него не было. Сейчас бы просто переварить то, что произошло. С этими мыслями он плюхнулся на кровать и уснул.

Глава 2 Бродяга

Вонь. Какая же вонь. А ещё жарко и ярко. Что происходит?

Человек с трудом открыл глаза — их резало от света, но уже не так сильно. Тело понемногу начинало чувствовать. И это было чертовски неприятно и даже больно…

Итак, что же происходит? Он на какой-то свалке. Кругом ржавые железки, истлевшая одежда, коробки, банки, бутылки. И вонь. О боги, как же тут воняет! Приторно-гнилостный запах перемежался с запахом сероводорода. Человек старался не дышать, но воздух, пусть и такой отравленный, был нужен. Его вырвало желчью. Руки. Высохшие и грубые. Человек потрогал собственную кожу — мертвечина. Он поднёс ладонь к носу — пахло разлагающейся плотью. Что за скверная шутка? Он живой труп? Надо отсюда выбираться…

Глаза окончательно привыкли к свету. Да, это действительно гигантская помойка. Мусорная гора, источающая яд и смерть. А он на самом её верху. На востоке виднелся городок, не очень понятно, насколько далеко. Но выбора особо нет, да и единственный пологий склон указывает, что ему именно туда. И человек побрёл.

Он всё шёл и шёл. Пекло солнце, трава щекотала голые ступни. Жажда драла глотку. Иногда поднимался ветер, подхватывая пыль, которая так и лезла в глаза, залетала в нос и скрипела на зубах.

Наконец, он дошёл до города. Облупленные стены со ржавыми пятнами, вышки, на которых скучали дозорные. Вокруг стен — трущобы с грязными и тощими обитателями, подозрительно поглядывающими то на него, то на стену.

— Эй, ты кто такой? Куда направляешься? Точно не наш. И вроде не дикарь.

Человека окликнул то ли солдат, то ли стражник, то ли просто злой горожанин. Сложно понять. Город явно пришёл в упадок: стены украшала ржа; у ворот — просто стоптанная земля, даже камней не навалили; сами ворота открывали и закрывали вручную — дверные механизмы разбиты и в грязи. Да и сами жители ходили в лохмотьях, будто на той же свалке, откуда выбрался человек, их и нашли. Ну, хотя бы тут не воняло. Почти.

— Не знаю. Брожу тут, — ответил человек. Это была чистая правда. Он не знал, кто он. Где он. Его это не пугало. Было любопытно, но не более.

— Вижу, что бродишь. Бродяга, значит. Ну плати дань, бродяга, — ехидно улыбнулся то ли солдат, то ли стражник. — Или в тюрьму.

— А там помыться можно? — спросил человек. Так, ради шутки. И получил удар в живот. Удар был несильный, но измождённому телу было достаточно. Человек согнулся, и изо рта пошла кровь. В районе солнечного сплетения разгорался огонь, а света становилось всё меньше.

— Блин. Прибил ты его…

Тьма.

Холодно.

Опять этот тошнотворный запах.

Человек открыл глаза и сел. Опять эта мусорная гора. Только теперь ночь. Луна. Человек встал и осмотрел себя. Всё то же самое. Вот только теперь его роба вся в крови. Засохшей. Он пощупал живот — всё в порядке, не болит, ушибов, похоже, тоже нет.

И он снова направился к городу. В этот раз человек не спешил подходить к воротам, а тихо подкрался к крайнему дому.

— Выжил? — услышал он голос и обернулся на звук.

— Я… — человек не знал, что ответить.

— Ты бродяжка, которого днём избили стражники. Я видел. Думал, ты помер. Голоден?

Говорил мужчина лет шестидесяти. Скорее всего, ему было меньше — выдавали глаза, но, видно, жизнь потаскала.

— Не бойся. Если сможешь работать, еду и кров дадим. Я — Маус. А ты?

Мужчина задумался. Он пытался выудить из памяти имя, но там было пусто. Хотя скорее всю память заволокла тьма. И в этой угольной черноте было решительно ничего не найти.

— Бродяга. Просто Бродяга. Думаю, смогу.

— Пойдём в дом. Холодно тут.

— Тут есть колодец или ручей? Я в мусоре валялся.

— Вот же ироды! Впрочем, закопай они тебя, ты бы точно помер. Вода завтра будет.

Человек подумал, что он бы всё равно вылез. Он был уверен. Как и в том, что стражник его всё же убил.

В доме всё было предельно просто — грубо сбитые кровати, очаг, стол.

— Держи. Бульон на кости.

Маус протянул миску с тёплой жижей. Бродяга поблагодарил и выпил содержимое. Ему было всё равно, чьи кости сварили эти люди. Гораздо интереснее то, почему тут такая разруха и бедность.

— Что это за место? — поинтересовался Бродяга.

— Просто город, — ответил Маус. — Больной и умирающий.

— Так чего не уйдёте?

— А куда идти? И как жить? У нас ни орудий, ни запасов. К дикарям на юг податься?

— Так они нас и ждут, — проснулся один из жильцов. — Скольких солдаты перебили? Вздёрнут нас во имя своих богов. А ты кто такой?

— Не знаю, — ответил Бродяга. — Маус сказал, что тут можно согреться, если буду работать.

— Я — Ратте, а там спит Майзе, — указал он на девушку в углу.

— А тут? — указал Бродяга на пустующую кровать.

— А тут уже никто не спит, — безразлично ответил Маус. — Поел? Давай спать. Теперь это твоя кровать.

Бродяга лёг, а Маус затушил лучины и прибил пламя. В помещении потемнело, но тлеющие угли создавали подобие уюта в этом странном доме.

Утром, на самом восходе Маус, Ратте и Майзе отправились работать в поле. С ними пошёл и Бродяга. Задача стояла простая — перекопать поле. Таких четвёрок было немало: одни, как новые знакомцы Бродяги, копали землю, другие кидали клубни, третьи таскали воду.

— Завтра посадками займёмся, будет полегче, — зачем-то пояснил Маус.

— Ясно, — ответил Бродяга.

Да, всё предельно ясно: его подобрали не из-за доброты. Им нужен был четвёртый. Что-то случилось с предшественником, заболел или помер. Бродяга хоть и понимал, что «или» в его рассуждениях лишнее, но что-то не хотелось в этот раз однозначности.

— А много народу в городе?

— Да тысяча от силы, — ответил Ратте. — Всех держат за стеной. Бунта боятся.

— Говорят, наместник сам трон занял, убив короля. Вот к старости и заболел головой, боится, что его скинут, — добавил Маус.

— А могут? — поинтересовался Бродяга.

— Да кто ж его знает. Мы наместника и не видели никогда. Говорят, ему уже сто лет, и он не выходит на свет.

К ним подошли солдаты и подозвали к себе женщину. Майзе молча подошла.

— Идём?

Она лишь кивнула, и они удалились.

— Куда они?

— Не думай об этом. Не наше это дело.

Бродяге стало противно. Не из-за Майзе — он её знать не знал. Из-за какого безразличия остальных к её судьбе. Ведь явно её позвали не из-за заботы. Он почему-то был уверен… Где-то внутри зародилось сомнение, с той ли он стороны стены.

Через полчаса, может, больше, женщина вернулась. Измождённая, она всё также молча взяла лопату и присоединилась к остальным. Бродяга только и успел заглянуть в её затравленные глаза.

Позже все четверо прервались на обед: те самые клубни, что они и сажали, кружка воды, совсем немного мяса. Последнее, наверное, чтобы лопаты смогли держать.

Оставшаяся часть дня прошла так же разнообразно — грядки и земля. На закате работа завершилась, и все побрели к домикам. Бродяга упал на кровать и отрубился.

Следующие дни прошли похоже, менялась лишь работа: посадка, полив, вскапывание земли. Солдаты забирали Майзе, потом она возвращалась и молча продолжала работу. Она вообще ничего не говорила. За все дни не проронила ни слова. А вот Маус практически не умолкал. Правда, все разговоры сводились к тому, что будь он на месте наместника, то всё бы поменялось. Но что именно, он так и не смог придумать.

Но это было не самое страшное. Бродяга переставал чувствовать ход времени, он даже терялся в том, сколько он тут дней. Идеи Мауса Бродяге уже не казались глупостью и абсурдом. И, наверное, сгнил бы он в этом странном блёклом мире, если бы не случилось происшествие: в один особенно жаркий и сухой день двое из работников зачем-то напали на надзирателей. Просто сорвались с места и побежали на них. Кончилось это предсказуемо: их забили до смерти. И пока их избивали, остальные безропотно смотрели и чего-то ждали. Они стояли и потом, когда уже били и их. В какой-то момент Бродяга осознал, что он так же, как и остальные, безропотно принимает наказание, смысл которого ему был неясен. Да и был бы ясен…

В тот момент внутри разгорелось пламя, и Бродяга перехватил руку солдата, нырнул под неё, оказавшись за спиной, и свернул ему шею. К нему сразу же подлетели остальные…

Холодно. И опять чёртов смрад. Бродяга открыл глаза. Да, снова эта свалка. Он поднялся на ноги. На этот раз в город ему идти не хотелось, но какие ещё варианты? Он огляделся. Степь, редкие колки. Ни воды, ни еды. Да и была бы еда — он её не догонит. И оружия…

Бродяга порылся в мусоре, благо ночь выдалась ясная, а луна полная. Поначалу ему попадался в основном истлевший хлам, потом разная мёртвая техника, и уже когда Бродяга потерял всякую надежду, а на востоке начало подниматься зарево, он наткнулся на ржавый нож со сломанной рукоятью, короб со спичками и даже обувь. Армейские ботинки с разломленной подошвой. Кое-как залатав обувь подручным мусором, немного выправив лезвие ножа, Бродяга спустился с мусорной горы и прикинул, куда же податься. Выбор был невелик: или снова в этот странный город, или… в лес. Да, на востоке от города виднелся лес. Там явно больше шансов выжить, чем в голой степи.

И Бродяга пошёл. Вряд ли он досветла доберётся до опушки, но поспешить всё равно стоило. На солнышке он уже назагорался. Вспомнив о поле, бесконечной пашне, Маусе и Ратте, он почувствовал тошноту. Как можно быть такими безропотными? Они вполне могли разоружить солдат — рабочих было несколько десятков, а охраны от силы человек семь. Как же так?

А потом вспомнил затравленный взгляд Майзе. Сломанная душа с ранами, которые никогда не затянутся. Как можно так изводить человека? Бродяга застыл и посмотрел на свои руки. А он бы на их месте вмешался? Ответ Бродяга знал, и тот ему не нравился. К чёрту этот проклятый город! К чёрту этих людей! Они, как и Бродяга сейчас, могли просто уйти. Не видел он, чтобы кто-то их по ночам охранял или держал на цепи. Охраняли поля, но не людей. Бродяга

чувствовал, что все эти мысли его выбешивают. Почему, он не понимал, но точно знал — с этим городом ему не по пути. По крайней мере пока.

Город Бродяга прошёл до рассвета, даже крюк сделал, чтобы не отсвечивать. Так, на всякий случай. Когда лес уже маячил на горизонте, а поселение осталось за спиной, злиться он уже устал. Просто шёл и смотрел по сторонам. Он не встретил ни животных, ни птиц. Лишь трава, луна и тишина. Лишь ветер иногда доносил смрад с запада, словно напоминая, почему нужно спешить…

Когда Бродяга наконец добрался до опушки, солнце поднялось достаточно высоко, чтобы начать истязать его тело жарой и жаждой. Потому первым делом Бродяга упал под ближайшим деревом просто остыть и выдохнуть. Лес был смешанный, но всё же больше хвойный. Это было приятно. После тлетворного духа свалки и грязно-прелых запахов хлевов Бродяга с жадностью втягивал хвойную свежесть сосны и елей. Ещё бы воды раздобыть.

Выдохнув, Бродяга не спеша побрёл вглубь леса и почти сразу наткнулся на труп. То была маленькая девочка, может, лет шести-восьми. Она лежала в луже собственной крови, натёкшей из разбитой головы. Быстро нашлось и дерево, послужившее орудием убийства.

Бродяга достал нож и прислушался. Где-то в стороне послышался хруст веток. Он было дёрнулся в противоположную сторону, но снова посмотрел на девочку. В голове пронеслось воспоминание. Неясное, просто тень. Улыбка, от которой хотелось плакать. Потом он вспомнил Майзе. Что-то было в этом всём неправильное. Не доброе, не злое. Просто неправильное.

Кто-то зашумел. Мужские голоса, женские стоны. И снова в груди что-то зарокотало. Как тогда в поле. Бродяга понёсся в сторону шума, словно зверь на охоте. Это были не его чувства, это было не его желание, но он не мог сопротивляться…

Трое. Двое держат молодую женщину, третий возится со своими штанами. Снова мысль, что он не на той стороне стены, что он ближе к солдатам, чем к этой женщине. В нос ударил запах свалки. Там таким и место.

Солдаты не успели понять, что произошло. Наверное, уже отвыкли, что кто-то может сопротивляться, а уж так умело напасть — тем более. Удар в шею одному, в глаз другому — хватило и ржавого ножа. Последнего, со спущенными штанами, он просто придушил. И ничего в его душе не колыхнулось. Это не добро, это не зло, и это всё ещё неправильно.

— Что с тобой? Ранена? — спросил Бродяга женщину.

— Где Изабелла? — выдавила хриплым голосом та. — Дочка.

— Пойдём, — Бродяга поднял её на ноги. Ему хотелось побыстрее закончить с этим, уйти вглубь леса и просто отдохнуть в тишине. Очень чётко и ярко.

Он привёл женщину к телу девочки. У неё вполне ожидаемо подкосились ноги. Бродяга знал, что видит подобное не впервые. Правда, раньше все начинали кричать, рыдать, проклинать. А вот женщина молчала. Просто смотрела в пространство перед собой.

Бродяга заглянул ей в глаза. Пустота, как у Майзе. Вот же привязалось! И он понял — да, его пугала та мёртвая пустота, что поселилась внутри этих женщин. Ярость, гнев, отчаяние — это всё было понятно, он такое видел миллионы раз. Но пустота. Тело без души. Безвольная оболочка. Бродяга решил, что в город женщину возвращать смысла нет. Она явно не из работяг, но и солдаты с ней не церемонились. Скорее всего, кому-то не угодила, и её решили убить. Подальше от ненужных глаз. Он откуда-то знал, что так делают. Потому возвращать её назад — обрекать на страдания. Да и лень, честно говоря.

Так оставить — ещё более жестоко. Она явно не в себе. И не факт, что в себя вернётся. Бродяга вновь достал нож и зашёл за спину женщины. Она ему не сделала ничего плохого, потому он освободит её быстро и безболезненно. Он это умел.

— Карр, — раздалось где-то вверху, и Бродяга интуитивно пробежал взглядом по ветвям.

Ворон, крупный, сизо-чёрный ворон со светящимися глазами. Он смотрел. Осознанно, с любопытством. Бродяга перевёл взгляд на женщину. Та всё так же таращилась в пространство.

— Ладно. Шанса все достойны. Тем более девчонка вряд ли злая. Жди тут.

Он сам не понял, кому это сказал, ворону или женщине. На опушке он соорудил погребальный костёр, потом забрал тело девочки. Уложив её и прикрыв глаза, он вернулся за женщиной.

Она не сопротивлялась. Шла, если тянули. Останавливалась, если её отпустить. В итоге Бродяга усадил её под сосну, а сам пошёл проводить Изабеллу (кажется, так она назвала дочь) в последний путь. Бродяга не знал, да и не мог узнать, к какой конфессии принадлежала девочка, но решил, что пусть её душа сама выберет, где провести вечность. В лесу, в степи, в небе или в земле.

Костёр вспыхнул моментально и с таким жаром, что опалил Бродяге волосы. Да и выгорел очень быстро. Аномально быстро. А потом поднялся ветер и разнёс пепел.

— Каррр, — крикнул ворон и взмыл в небо.

— Похоже, я в чистилище, — усмехнулся Бродяга.

Он вернулся к женщине, взял её за руку, и они пошли в чащу леса. На удивление, прогулка сложностей не вызвала: ни буреломов, ни болот. Бродяга быстро потерял ориентацию в пространстве и времени, но это не имело значения. Сейчас важнее найти источник воды, да хотя бы болото.

— Карр…

На ветку опустился ворон. Птица смотрела на Бродягу с интересом, осмысленно.

— Извини, но развлечь мне тебя нечем. Разве что как подохну, угостишься сушёной плотью. Любишь вяленых идиотов?

Птица перебрала лапами, спрыгнула на землю и начала прыгать туда-сюда.

— Хочешь, чтобы я за тобой пошёл?

— Каррр, — радостно расправила крылья птица.

— Ну веди.

Терять было нечего, и Бродяга, прихватив с собой и незнакомку, не спеша побрёл за вороном. Женщина явно устала: ноги её заплетались, дышала она тяжело. Но взгляд оставался пустым и безразличным. Было в этом всём что-то очень жуткое, противоестественное, потому Бродяга просто держал женщину за руку и лишь иногда оглядывался на неё — проверить, всё ли в порядке.

Так шли они долго, и кроны уже начало прорезать золото уходящего солнца. Наконец, они вышли на поляну, посреди которой стояла покосившаяся изба. Неподалёку виднелся колодец, даже были остатки огорода, поросшего бурьяном. Бродяга сразу прикинул, что если тут получится обустроиться, то можно будет вернуться к городу и раздобыть клубней. Просто выбрать ночь потемнее.

Усадив женщину на порог избы, Бродяга начал исследовать жильё. Судя по траве, проросшей в слое грязи и пыли перед дверью, сюда не заходили как минимум несколько месяцев. А скорее всего место покинули много лет назад — природа отвоевала тут всё, что только смогла: мох лениво поедал стены, на крыше успел вырасти кустик орешника, окна старательно затянули сеткой паучки.

Бродяга аккуратно залез внутрь: грубая кровать, такой же незатейливый стол, пустой открытый сундук. В углу стояла лопата. Правда, черенок рассохся, но полотно вроде нормальное: материал явно непростой, даже ржавчины нет. В глубине комнаты нашлась кладовка с различным скарбом. Всё простое, примитивное, но из того же странного металла. Даже посуда.

В избу влетел ворон и взглянул один глазом на Бродягу.

— Я могу тут пожить?

— Каррр! — ворон закружился на месте, как детская механическая игрушка.

— Спасибо. Буду у тебя в долгу.

Остаток вечера Бродяга обустраивал хозяйство. Тяжелее всего оказалось привести в порядок колодец: вытащить накопившийся мусор, помахать лопатой, углубить. Но всё было не зря — колодец стал наполняться водой. Бродяга даже подумал, что ему очень повезло, ведь источник мог быть пересохший, и тогда бы Бродяга потратил последние силы впустую. Почему-то эта мысль его позабавила, но, когда он вылез из колодца и увидел женщину, на смену радости пришёл страх. Себя ему было не жалко, да и, похоже, он так просто не умрёт. Но вот она... Бродяга её притащил сюда и теперь несёт за неё ответственность. Как минимум она не должна страдать из-за его самоуверенности и глупости.

Снова в груди что-то потеплело. Как тогда, с солдатами. Будто эти мысли, эти чувства чужды ему. Будто раньше, в другой жизни, он так бы не поступил. Бродяга подошёл к женщине и сел рядом.

— Так, с водой разобрались. Надеюсь, нормальная. Впрочем, выбора у нас с тобой нет. В этом чёртовом лесу даже маленького ручья не нашлось. Ладно, надо бы придумать, чего в желудок закинуть.

Бродяга посмотрел на ворона. Тот не спешил улетать.

— Дружище, а тут еда водится? Медленная и жирная.

Птица наклонила голову, словно пытаясь понять, что от неё хотят, а потом взлетела и унеслась прочь.

— Эх… Да не собирался я тебя жрать. Пойду погляжу, может, ягоды какие найду или грибы, — Бродяга улыбнулся и взглянул на женщину. — Ты знала, что есть народы, которые едят дикие грибы? Я вот откуда-то знаю.

Женщина никак не реагировала, всё так же смотрела в пространство и молчала. Бродяга кивнул.

— Пойду, поищу чего-нибудь. Жрать охота.

Он ещё раз оглянулся. Оставлять женщину он одну не хотел. Но и в доме пока находиться было невозможно.

— Так, — присел он перед ней на корточки. — Надеюсь, ты меня слышишь. Я далеко отходить не буду. Если какая опасность — кричи. И помирать мне тут не вздумай. С этим спешить никогда не надо, всегда успеется. И чем позже, тем лучше. Как вернусь, расскажу, откуда я такой замечательный недавно вылез. Хорошо?

Женщина наконец подала признаки осознанности. Совсем чуть-чуть: подняла глаза на Бродягу. Там всё так же зияла пугающая пустота, но в то же время как будто бы заискрилась жизнь.

Бродяга пошёл искать грибы и ягоды. Наткнуться на дичь он не надеялся, да и ловить её было нечем. В груди растекалось тепло. И наконец не какое-то чужое, а его собственное, родное. Приятно-грустное. И оно дарило покой.

Глава 3. Король

«Ну вот, теперь полный порядок!» — подумал монах со странным именем Король. Он служил Забытому Богу, самому загадочному из Семерых. Правда, сам Король считал Забытого не загадочным, а… неважно. Сегодня был тот редкий день, когда Король не хотел вспоминать начальство бранным словом. Сейчас он наслаждался своей работой: почистил алтарь, полил цветы, вырвал сорняки и, конечно, осмотрел урну с прахом на предмет трещин.

Урна была непростая. Она служила ему напоминанием, зачем он топчет эту землю. Его духовным ориентиром. Король видел в этом иронию, ведь алтарь стоял на Северной звезде: там, где соприкасались лес, степь и пустыня, там, где деси устраивали праздники мены. Перекрёсток, где природа одним своим разнообразием говорила о множестве дорог, открытых человеку.

Сам Король, хоть и был пришлый, считал Северную звезду своим домом. Ну почти. Жил-то он в оазисе неподалёку, а сюда наведывался присматривать за алтарём да в праздники помочь чем и с детишками поиграть — присмотреть, пока взрослые заняты. Правда, малявки его звали Кролем. Но он не злился: у деси не было Королей, а вот имена давали по зверю. Да и действительно он кроль: появился тут с голой душой и слепым сердцем.

Когда-то очень давно — Король уж и сам забыл когда — он в отчаянии и гневе вышел к этому алтарю. Уставший, грязный, потерявший всякий смысл жить. Стояла неделя мены, было людно, солнечно, пахло сладостями. Деси в такие дни собирались со всех деревень, близких и дальних, больших и малых. Король помнил: весь берег Великого ручья был усыпан людьми. Все веселились, менялись поделками и едой, болтали. Но ему тогда до них не было дела — он лишь хотел уйти в пески, подальше от проклятого леса… Ну да пустое. Деси его приняли, не прогнали. Хотя он с месяц просто сидел на песке. А они терпеливо ждали. Приносили еду и воду. Даже покрывалом укрыли — ночи тут холодные. Степь как-никак. Когда же он пришёл в себя, один из деси — староста той самой деревни в оазисе — предложил остаться и жить с ними. Сказал, что среди его народа Король всегда найдёт кров и возможность очистить сердце от скверны, что терзает его. Вот так и случилось.

Большую часть времени Король выращивал мандарины и читал книги. Иногда прогуливался по деревням. Недолго, несколько месяцев – год. Плавал по Ручью на запад, к людям. Даже пару раз забирался на север, но там никто не жил — суровые места как-никак. А тут, в степях вдоль опушки, места хватало всем. Да и на западе, за лесом земли были более-менее обжитые.

Ещё Король собирался сходить на юг, в Дальний оазис, но не решался. Он знал, что временами планету посещали гости. И порой не самые гуманные и благородные, потому Королю лучше не знать ничего, что могло бы навредить народу, приютившему его.

— Поликс, пора кушать, — позвал воронёнка Король и насыпал на камень пшена.

— Оригинальное имя для ворона.

— Ёк же ж, демон, мать твою! — Короля передёрнуло. — Просил же громче топать. Так и инфаркт схватить недолго. Гляди, помру так.

— Оживёшь, не впервой.

— Оживёшь, не впервой, — передразнил собеседника Король. — Ты чего хотел-то?

Человек указал в небо, где висела громадная туша космического судна и тушки поменьше.

— Да видел. Дня три уже висят.

— Скоро упадут, — усмехнулся человек. — А чего хотел? Да просто гуляю. Спал долго, вот смотрю, что пропустил.

— А, вот оно что. То-то я думаю, что пропал куда-то.

— Решил демоноглазку завести? — перевёл тему человек.

Он присел на корточки, достал из кармана чёрные зёрна, и воронёнок сразу к нему прискакал и стал хватать лакомство.

— Не проснулся что ли? Это ж ворон, глаза нормальные, да и мелкий он.

— Это пока, он же малыш совсем. Из гнезда вывалился?

— Да, прям как я, — Король задумался и посмотрел на висящее в небе судно. — Ну коли упадут, надо будет с ними воспитательную беседу провести. А то мало ли чего. Испугаются, палить во все стороны начнут. Да, босс?

Король выразительно посмотрел на человека, подозрительно и театрально прищурив глаза.

— Какой же я тебе босс? Я такой же заложник положения, как и ты. Как и они были.

Человек печально посмотрел на статуи Семерых.

— Были? — Король не верил в мифы деси, несмотря на то, что уже сам стал частью одного из них.

— Ну разве что он остался, — человек указал на Забытого Бога.

— Я думал, ты и есть Забытый Бог.

— Я лишь служу его доброму имени. Как и ты.

— Ну-ну, — не согласился Король.

— А что я божественного сотворил? — лукаво улыбнулся человек.

— Ты? — Король задумался. А ведь и правда ничего. Так, появлялся иногда. Чёрт нечистый. — А-а… Хрен с тобой. Присмотришь за птичкой, если что? И за деси?

— О птичке позабочусь, если надо будет. За мандарины. А деси… они и сами справятся, — человек неопределённо махнул рукой. — Да и что, царь я им или родитель?

— Спасибо. Ты в какую сторону?

— На юг, по оазисам пройдусь, новости соберу. А к тебе на обратном пути заскочу.

— А вдруг меня не будет? Вдруг завтра звездопад случится?

— Ну ты ключик от двери под порожком оставь. И мандарины на деревьях.

— Хорошо, только дверь поставлю, — засмеялся Король.

Человек протянул ладонь, и они пожали друг другу руки. Вскоре Король оказался вновь в одиночестве: он, алтарь и шум реки. Он взял воронёнка на руки, и птица сразу юркнула в суму. До оазиса, где жил Король, было километров пятнадцать, и всю дорогу предстояло пройти на своих двоих по самой жаре. Короля это не пугало, а вот птенец может и не выдержать перехода. Всё-таки лесная птица. Потому первым делом Король научил Поликса прятаться от степного солнца.

До оазиса Король добрался во второй половине дня. Дом его стоял почти на самом краю оазиса, практически на скалах, что окружали этот уголок рая среди песков.

— Значит, ты демоноглазка, малыш? — сказал он воронёнку, который выскочил из сумки, как только почувствовал запах дома.

Птенец спрыгнул на землю и поскакал на грядки с тыквами, чтобы угоститься одной из них. Он почти уже добрался до оранжевой вкусняшки, как по небу прокатился гром. Король поднял глаза: так и есть, самое крупное судно начало посадку, точнее, падение — на эту планету исключительно падают. Уж он это знал наверняка.

— Ну вот же ж, блин.

— Кроль, это злыдни пришли?

Соседский мальчишка, Фенек, часто помогал Королю с садом и огородиком. Парнишка любил растения, вот за него и попросил отец, мол, чего сына мучить с лошадьми и верблюдами,

если сердце не лежит. А Король и не против. Больше посадят, больше урожая снимут. Деревня хоть и маленькая, а свежие овощи и фрукты все любят.

— Не знаю, Фенек. Сейчас посмотрим, куда они рухнут, и пойду знакомиться. Присмотришь за Поликсом и садом?

— А ты надолго?

Король радостно улыбнулся. В его старом мире подобный вопрос заставил бы его заподозрить парнишку в лени, но сейчас всё было ровно наоборот: Фенек просто боялся, что не справится. Ответственный и трудолюбивый. Даром, что всего семь лет.

— Не знаю. Ты не переживай. Мой друг обещал прийти, присмотреть за всем.

— Он тоже служитель Забытого?

— Да, такой же, как и я. Только странный.

— Да куда уж страннее-то?

К калитке подошёл мужчина лет сорока, крепкий и стройный. Глаза его излучали тепло и радость, а улыбка — глубокое добродушие. То был отец мальчишки — Корсак.

— Будь здоров, друже! — поприветствовал его Король. — Мне надо…

— Да понятно. Потому и пришёл. Отужинаешь с нами? В ночь же поди сорвёшься?

— Да, путь неблизкий. Хотел коня попросить.

— Само собой.

Ужин, по обыкновению, был простой: окрошка, ломоть хлеба да немного птицы. Жена Корсака, Джейран, часть птицы приготовила Королю в дорогу. То немногое, как она считала, что может дать Королю.

— Дядя Кроль, а вы принесёте ракушку с океана? — спросил Фенек.

— Ну, коли занесёт на побережье, обязательно, — заверил Король.

К океану его, конечно, вряд ли занесёт, но, может, выменяет в какой деревне. Ему несложно, а мальчишка порадуется.

— А ты вообще надолго планируешь отбыть? — поинтересовался Корсак.

— Да кто ж его знает. Ну, месяц точно. Надо будет приглядеться к гостям, а потом, возможно, и убедить.

— Всё ещё не веришь, что мы можем постоять за себя?

— Да знаю, что можете. Даром, что как индейцы из древних мифов выглядите. Только те вроде красные были.

— Прям красные-красные? — спросил Фенек. — Как помидорки?

— Не думаю, — засмеялся Король. — Это же просто миф.

Он посмотрел на темнеющее небо. Звёзды вспыхивали то тут, то там. Дневной зной отступал под прикрытием садящегося солнца, и с песков потянул ветерок — пустынный бриз, как его про себя называл Король.

— Пора, — он встал из-за стола. — Спасибо за ужин.

— Ну давай, успехов! — Корсак тоже встал и по-дружески обнял Короля.

— Джейран, навестишь бабушек за меня? Там в саду орхидеи должны зацвести со дня на день, поставишь им?

Женщина мило улыбнулась.

— Куда я денусь-то? Ты снедь не забудь. Ни специально, ни случайно.

— Прям как прабабка, ей-богу, — для проформы повозмущался Король. Прабабку Джейран он помнил ещё мелкой шкодливой девчонкой, сующей свой нос куда не надо. Всю жизнь она прожила с открытым и щедрым сердцем. И когда она ушла, тихо, своей смертью, именно тогда впервые Король почувствовал всю тяжесть проклятья, которым его наградил местный бог.

— А плохо что ли?

— Повезло тебе с ней, Корсак. И тебе с мамой повезло, Фенек. Ну всё, заболтаете ещё, так до утра не уеду.

Попрощавшись со всеми и проверив сумки, Король отправился в путь. Первая остановка — развилка Великого ручья, что западнее Брошенного города. Небольшая деревня, нет, скорее стоянка и развилка водного пути на запад и восток. Место красивое, уникальное даже по меркам этого странного мира: река буквально разливается в разные стороны. Король подобное встречал на других планетах, но там это выглядело более естественно что ли. А тут кто-то явно постарался: ну не может река расходиться так резко, вот ни в жизнь.

Глубоко за полночь он проехал мимо руин города, грозно возвышающегося над степью и сковавшего берега Великого ручья. К утру должен достичь стоянки. Там возьмёт плот, и понесёт Короля течением вдоль леса прямиком на запад. Такой привычный уже путь. Даже на стоянке его скорее всего встретит Орёл, тоже выходец из их деревни. Нелюдимый мальчишка, а сейчас хранитель пути. Вот как так у деси получалось? Все место по душе находили. Даже он — пропащая душа — и то к месту пришёлся. Даже друзья появились, хотя Король и сторонился всех и вся. Боялся. То ли совести, то ли привязаться и потерять.

— Дядя Кроль! — из темноты выскочил мужчина лет двадцати пяти. — На запад?

— Орёл, друже! Видел уже?

— А то ж! Ваши?

— Наши давно одичали или померли, — буркнул Король.

— Да ну тебя! Неужели не скучаешь по своим?

— Было бы по чему скучать, — ответил Король и глянул на небо.

— Ты же на стоянку? Давай вместе.

— А ты чего так далеко забрёл? — удивился Король. До стоянки было километров пять, не меньше.

— Да тут мусор упал недалеко.

— Прям мусор? — не поверил Король.

— Да железо какое-то. Людей не было, хвала Семерым.

В этом были все деси: главное — жизнь. Прогресс по необходимости, а концепт богатства вообще отсутствовал. Вот совсем. Король даже пытался объяснить, что это такое, как жил его собственный народ. И всё, что он получил, — это простые, но глубокие слова: «Бедные вы, несчастные». Да, именно так. Это Король понимал теперь отчётливо, хотя иногда ловил себя на противной свербящей мысли «а вот был бы богат…». Но потом осознавал: будь он богат, не появилась бы в его жизни эта планета. Не появились бы деси. Ни Джейран, ни Корсак, ни Фенек, ни Орёл. Не было бы многих до них и многих, кто появится после.

— Хочешь посмотреть? Тут недалеко.

— А давай.

Король не надеялся понять по обломкам, кого же занесло к ним, но хотя бы посмотреть, как поменялись технологии за все эти века.

Доехали быстро. В полном молчании и тишине. Пару раз вдалеке появлялись волки, но Орёл им махал рукой, и они уходили. Как он сам сказал, у них договор: он им нарезает мясо, а они следят за степью и, если кто попал в беду, сообщают ему.

Вообще, Король поначалу поражался тому, как вся местная флора и фауна встроена в жизнь деси. Ну или их жизнь — во флору и фауну, как посмотреть. Одним словом — гармония. Деси являлись в местной экосистеме сверххищниками, но крайне разумными и гуманными. И хотя они были обычными людьми, разве что жили чуть дольше, чем народ Короля, он их воспринимал иначе. В деси отсутствовали обычные человеческие страхи, и при этом они были верны долгу друг перед другом. Конечно, встречались отдельные личности, как правило молодёжь, которые просто жаждали нарушать устоявшиеся порядки. Но деси и тут проявляли себя

максимально не по-человечески: они отпускали соплеменника, дав на первое время еды, воды и инструмент, и просто ждали. Чаще всего молодые люди возвращались. Иногда они сбивались в группы и создавали свои деревни, и спустя время — месяцы, годы, поколения — приходили к тем же устоям, от которых бежали. Но бывало и так, что молодые деси погибали. Их тела находили, проводили все принятые обряды, и урна с прахом занимала своё место у статуй Семерых.

— Ну, что скажешь?

Король спрыгнул на песок и подошёл к ещё горячему механизму.

— Похоже на турбину. Как остынет, рассмотрим получше. Ты близко не подходи. Кто знает, что там внутри.

Орёл кивнул и даже отвёл лошадей подальше.

— А зачем она нужна?

— Да много зачем. Вот и хочу глянуть.

Король задумчиво обошёл подарок небес.

— Больше ничего не падало?

Орёл покрутил головой.

Сейчас Король жалел, что у него не было даже примитивного счётчика Гейгера. За себя он не боялся, а вот парень мог пострадать, да и песок этот ещё.

— Давай вернёмся утром. И скажи зверью, чтобы держались подальше. Сможешь?

— Смогу. А железка опасна?

— Может быть ядовита. Или радиоактивна.

— Лучи? — догадался Орёл.

— Да.

Да, лучи. Очень короткие и очень злые. Каким-то образом, с виду дикий народ, деси вполне понимали техногенные опасности, не удивлялись технологиям. Но самое интересное было то, что технологии, более совершенные, чем видел Король у себя на бывшей родине, были вплетены в их быт. Да и непохоже было, что деси считали это волшебством или дарами природы.

На мгновение Королю показалось, что мысль его о защите деси от внешних угроз абсурдна и нелепа. Но то был его долг. Добровольный. Теперь он тоже деси. И оберегать порядок — его работа.

— Прикорну пойду, — сказал Орёл. — Когда пойдём?

— Давай на рассвете.

Мужчина кивнул и лёг на настил недалеко у костра. Король же отпустил лошадь пастись, а сам подсел ближе к огню. Он смотрел на огонь и вспоминал свою прежнюю жизнь. В углях гуляли образы старых знакомцев: добрых и злых, честных и пройдох, приятных сердцу и тех, кого бы он в аду не пожелал увидеть.

За спиной послышались шаги. Негромкие, спокойные, предупреждающие.

— Доброй ночи, путник. Можно у огонька погреться?

— И давно тебе тепло нужно? Ты ж поди искусственный. А, может, ты вообще мой персональный глюк?

— Может, и глюк, а может, и целая галлюцинация!

Человек присел рядом и уставился на огонь.

— У тебя счётчика Гейгера не завалялось?

— Тебе зачем? А, ты про железку? Не, с собой нет.

— А ты вообще как тут оказался-то? Ты вроде на юг собирался.

— Так я там и хожу, — пожал плечами человек. — Чего мне в одной точке-то торчать?

Король лишь покрутил головой. Он всё никак не мог понять, реален ли его собеседник или это всё игра воображения. Ладно, по возвращении в оазис будет ясно, ведь этот чёртов глюк взялся присмотреть за Поликсом. Хотя опять что-нибудь придумает и вывернется.

— Так чего появился-то? Лет сто от тебя ни слуху ни духу. А тут суток не прошло, и уже вторая встреча.

Человек повёл пальцем по воздуху, и пламя, словно по волшебству, повторило движение.

— Ты изменился за эти годы. Интересно. Вот и решил составить компанию. Буду незримо следовать за тобой.

— Это что теперь, вести себя благопристойно?

— А ты сможешь?

— Твоя правда. Ну, тогда хотя бы отворачивайся. Не хочу боженьку гневить.

— Гневить? Пока ты только радуешь. Ну, отдыхай.

— А как же Поликс? Ты же обещал присмотреть.

— Если понадобится, — самодовольно улыбнулся человек.

— Вот же ты чёрт!

— Работа такая.

Человек исчез. Вот только был, прям тут, у костра, и резко пропал. Король лишь вздохнул, а потом поводил пальцем перед костром. Пламя высокомерно его проигнорировало и продолжило трещать с небом.

— Волшебник херов…

С рассветом Король и Орёл вновь отправились к месту падения. В полукилометре от объекта они встретили пару волков. Те, как увидели Орла, подошли к деси, обнюхали его и пошли по своим делам.

— Пост сдал, пост принял? — пошутил Король.

— Да, — кивнул с улыбкой Орёл.

— Ну тогда жди. Если со мной что некрасивое случится — не лезь. Даже если орать буду, понял?

— Понял.

— Так понял или нет?

— Да понял я, дядя Кроль!

— Смотри у меня! Я-то потом, может, и воскресну, а ты вот точно помрёшь.

Король знал, что Орёл может броситься на помощь. А если там какая радиация, то оба и погибнут. Себя Королю было не жалко. Другое дело деси. Парень добрый и искренний, даром что нелюдимый.

— Ну ладно. Пойду гляну, что за счастье нам свалилось.

«Железка» действительно оказалась турбиной. Точнее, генератором, вполне понятным Королю. Механизм хоть разнесло в хлам от удара, но понять, что да как, было вполне возможно: технологии ушли несильно вперёд. Главное, не было намёка на топливо. Ни на ядерное, ни на какое другое. Король осмотрел песок вокруг генератора: следы утечек также отсутствовали. Вот и славно. Прислушался к себе — самочувствие нормальное.

— Орёл, — крикнул он парню. — Вроде ничего опасного. Но всё равно поаккуратнее. Лишний раз не приближайся.

— А что это?

— Похоже, генератор. Только я не понял, на каком топливе. Видать, жёсткая посадка была.

— Понял. Поможешь?

Орёл достал из сумки колышки, обвязанные оранжевыми лоскутами, и они с Королём окружили ими место падения.

— Ну вот, теперь только Старших дождаться.

— А животные не сунутся? — уточнил Король.

Он всё же переживал: металл мог набраться лёгкой радиации в космосе, и пусть Король чувствовал себя хорошо, отравить жизнь этот мусор вполне мог и позже.

— Не переживай, дядь Кроль. Тряпицы не дадут. Чего ты с нами как наседка?

Король вздохнул.

— Не знаю, дружище. Работа такая.

На самом деле Король знал. И очень хорошо. Пока ему было о ком заботиться, пока было к кому вернуться, он мог жить. Пусть как служитель Забытого Бога, пусть как дядя Кроль, но мог. Он не ждал, что кто-то примет его жертву или поймёт его, — он бы и не хотел, не считал, что заслужил. Да и деси никогда не спрашивали. Просто приняли. И он был благодарен.

— Пойдём? Спать хочу, — Король потянулся, дабы скрыть навалившуюся тоску.

Орёл кивнул, сделав вид, что ничего не заметил. Для него, как и для многих других, Король — смешной дядька из детства, единственный служитель Забытого Бога. Балагур и фокусник. И, наверное, кто-то ещё… Но кто, Король пока понять не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.